

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

О происхождении глаголической азбуки

Проблема возникновения и происхождения глаголической азбуки принадлежит к числу самых запутанных проблем в истории славяно-русской письменности. Наличие в раннем периоде славяно-русской письменности двух различных азбук — глаголической и кирилловской — издавна обращало на себя внимание и заставляло искать источники того и другого письма. Но в то время как источник кириллицы ясен — византийское унциальное письмо, источник глаголицы не выяснен до настоящего времени. Господствовавшее в литературе в течение долгого времени мнение о том, что глаголица произошла от византийского минускула, оказалось несостоятельным.

За последние годы появилось немало работ, посвященных вопросам возникновения древнерусского языка и литературы, а также происхождения славяно-русской письменности.¹ Авторы некоторых из этих работ в той или иной мере касаются глаголической азбуки; отдельные работы посвящены специально истории и происхождению глаголицы, причем особое внимание уделяется сходству некоторых глаголических букв с так называемыми „загадочными знаками Причерноморья“. Это сходство уже давно отмечалось отдельными исследователями, не занимавшимися специально происхождением глаголицы, но только в самые последние два-три года на основании этого сходства некоторые исследователи сочли возможным говорить о том, что глаголица была древнейшим славянским письмом, возникшим у восточных славян ранее IX века, что истоки глаголической азбуки следует искать в Причерноморье, что „письменность у восточных славян в середине IX в., несомненно, существовала, к тому времени уже укрепилось буквенное глаголическое письмо“.²

Кроме В. В. Виноградова, о глаголице как древнейшем письме восточных славян говорится в работах П. Я. Черных, А. С. Львова,

¹ П. Я. Черных. 1) Язык и письмо. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, гл. 4; 2) Происхождение русского литературного языка и письма. Учпедгиз, 1950. — Д. С. Лихачев. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, 1951, № 12. — А. С. Львов. К вопросу о происхождении русской письменности. Русский язык в школе, 1951, № 6. — Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952. — Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952. — В. В. Виноградов. Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его „История древнерусского языка“. В кн.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953. — Н. А. Константинов. История русской азбуки. Знание — сила, 1953, № 1, стр. 1—6.

² В. В. Виноградов, ук. соч., стр. 9.

Д. С. Лихачева и Н. А. Константинова. Во всех высказываниях по этому поводу красной нитью проходит мысль о самобытности глаголицы, возникшей на Руси помимо воздействия средневековой греческой письменности или при минимальном ее воздействии.

Эта мысль кажется особенно привлекательной в настоящее время, когда рядом работ советских ученых доказано самобытное возникновение русской государственности, древнерусского литературного языка, древнерусской литературы. Естественно, что ныне представляется крайне заманчивой возможность доказать также самобытное возникновение древнерусского письма. Наиболее решительно и определенно о глаголице как древнейшей русской азбуке высказываются А. С. Львов и Н. А. Константинов. Н. А. Константинов тщательно подбирает материал для доказательства своей гипотезы о том, что „древнейшей азбукой (на Руси, — Е. Г.) была, по всем данным, глаголица, уступившая место в IX—X веках кириллице“. При этом он находит уже возможным ставить причерноморские знаки в один ряд с буквами глаголицы, заранее предполагая, таким образом, что приводимые им причерноморские знаки имели буквенные значения, т. е. были алфавитом в полном смысле этого слова.

Однако подобранный Н. А. Константиновым материал не может служить доказательством его гипотезы, так как в составленных им таблицах приводятся знаки без указаний на источники, откуда тот или иной знак был заимствован: в отдельных случаях для изучения истории глаголических букв (т. е. букв IX века, а по мнению Н. А. Константинова — возникших еще ранее) привлекаются памятники, ничего общего с историей письма не имеющие или относящиеся к более позднему времени.¹

Попытки изобразить глаголицу как самобытное древнерусское, или „скифское“ (по выражению Н. А. Константинова), письмо основаны только на внешнем, подчас случайном сходстве отдельных глаголических букв (или некоторых форм этих букв) с так называемыми „загадочными знаками Причерноморья“, причем историческое свидетельство и языковые данные древнейших глаголических памятников не принимаются во внимание.

Совершенно несостоятельной оказывается теория происхождения глаголицы как древнерусского письма, когда с ее помощью пытаются ответить на вопрос — почему же глаголица уступила место кириллице и не оставила при этом почти никаких следов в древнерусской письменности?² Почему глаголица оказалась нежизненной?

Если допустить, как это делает, например, П. Я. Черных,³ что Кириллом была изобретена кириллица, которую позднее стали вводить правящие круги и духовенство в качестве официального письма, то все же совершенно невероятно, чтобы насаждаемое искусственно письмо

¹ Н. А. Константинов, ук. соч., стр. 1—6; на стр. 5 помещен рис. 7 под названием „Предполагаемая история глаголической буквы «буки»“, где изображены, между прочим, „Стяг Святослава“ и „Воинский стяг новгородцев XV века“.

² Употребление отдельных глаголических букв в некоторых древнерусских рукописях (например, в Евгеньевской псалтири XI в.) или применение глаголицы в виде тайнописи есть явление случайное.

³ П. Я. Черных. Язык и письмо, стр. 134. П. Я. Черных дает следующее объяснение: „Ввиду того, что кириллица в IX—X вв. получила широчайшее распространение в разных славянских странах, она и в древней Руси, вскоре после крещения, получила значение официального письма, признанного и одобренного светской и церковной властями. Именно это обстоятельство и объясняет факт исчезновения не только ранней, но и поздней глаголицы в древней Руси“.

начисто могло вытеснить письмо, выросшее на каких-то местных основах и имевшее к X—XI векам длительную историю развития.

Также с помощью древнерусского происхождения глаголицы совершенно невозможно объяснить, почему все древнейшие глаголические рукописи носят на себе несомненные следы древнеболгарской языковой традиции, почему „в областях, где началась или куда рано проникла проповедь первоучителей, мы не находим кириллицы, а находим глаголицу“.¹

Еще И. Шафариком была высказана гипотеза о том, что именно глаголица была изобретена Кириллом; позднее эта гипотеза получила развитие в работах целого ряда исследователей, как, например, И. В. Ягича,² В. Н. Щепкина,³ И. Вайса⁴ и др.

Е. Ф. Карским⁵ была высказана мысль о том, что глаголица была изобретена учениками Мефодия в период гонений со стороны немецкого духовенства на славянское богослужение.

В 1952 году вышла из печати работа болгарского ученого Емила Георгиева „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“, где также доказывается, что именно глаголическая азбука есть „азбука Константина-Кирилла“.⁶

Важнейшими доводами в пользу этого положения Ем. Георгиев считает „мораво-паннонскую глаголическую традицию“, т. е. языковые особенности древнейших глаголических рукописей, указывающие на их происхождение из тех областей, где началась миссия Кирилла и для которых была составлена им новая азбука. Георгиев подчеркивает также, что в житиях Кирилла и Мефодия говорится о создании Кириллом именно новой азбуки, каковой может считаться только глаголица.⁷

Обширная литература, посвященная происхождению глаголицы и вопросу о старшинстве одной азбуки перед другой, вызвана вполне понятным интересом к факту существования двух, столь различных по формам азбук, а также стремлением найти источник глаголической азбуки, непохожей ни на какую другую европейскую азбуку. Однако, на наш взгляд, глаголица пользуется несколько преувеличенным вниманием, особенно со стороны исследователей, желающих доказать, что именно она была древнейшей русской азбукой.

В задачи предлагаемой работы не входит разбор всех доказательств правильного, на наш взгляд, положения, что глаголица была изобретением Кирилла, а кириллица распространялась постепенно, была „исторически сложившимся“ письмом, по выражению Ем. Георгиева.

Настоящая работа имеет целью показать, что нежизненность глаголической азбуки объясняется нежизненностью ее источника.

Возникшая на совершенно искусственной основе, глаголица не смогла противостоять кириллице, распространившейся и развивавшейся по мере роста потребности в письме. Нежизненность глаголицы проявляется не только в том, что сфера ее применения со временем (позднее XII века) была крайне сужена и ограничивалась пределами Хорватии и

¹ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 13.

² И. В. Ягич. Глаголическое письмо. Энциклопедия славянской филологии, вып. 3, СПб., 1911.

³ В. Н. Щепкин, ук. соч., стр. 12—14.

⁴ Jo. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. Praha, 1932.

⁵ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 355—364.

⁶ Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, Изд. Болгарской Акад. Наук, 1952.

⁷ Ем. Георгиев, ук. соч., стр. 6—10.

Адриатического побережья, а также и тем, что глаголица не оставила почти никаких следов в письменности Болгарии и древней Руси.

То обстоятельство, что именно в глаголических рукописях представлены древнейшие образцы древнеславянского языка, ни в коей мере не противоречит положению Ем. Георгиева¹ о том, что кириллица возникла спонтанно и ранее глаголицы. В древнейших глаголических и кирилловских рукописях до нашего времени сохранились лишь образцы официальной церковной письменности, для которой и была предназначена глаголица.

Частая переписка, различного рода бытовые записи (счета, учебные тетради и т. п.) средневековья почти не сохранились, так как их значение, их ценность с точки зрения владельцев была преходящей; актовый материал погиб по тем общеизвестным причинам, по которым погибло громадное большинство культурных ценностей средневековья.²

Применение сокращений слов в глаголических и кирилловских рукописях XI века свидетельствует о большей зависимости глаголицы, чем кирилловского письма, от греко-латинской письменности; число сокращений, не заимствованных из греческих и латинских рукописей, в кирилловских памятниках в 10 (десять!) раз больше, чем в глаголических памятниках. Именно в кирилловских рукописях определенно намечено то направление, по которому в дальнейшем пошло развитие сокращений в славяно-русской письменности: сокращения с помощью выносных букв, под титлом и без титла. Таким образом, уже в XI веке глаголические рукописи в известном смысле оказываются беднее кирилловских, больше, чем последние, зависят от греко-латинских образцов.

Настоящая работа имеет целью показать несомненную связь глаголической азбуки со средневековой греческой письменностью, но не тем греческим письмом, которое обычно встречается в греческих рукописях и которое могло проникать в среду славян постепенно, по мере расширения связей с Византией и ознакомления с культурой Византии.

Формы глаголических букв в большинстве своем были заимствованы из своеобразных и малоизвестных, а в средние века доступных лишь высокообразованным византийцам видов греческого письма; эти особенные виды или системы письменных знаков были унаследованы византийской культурой от античной и эллинистической культур и почти не получили распространения вне пределов Византийской империи.³

Средневековая (как, впрочем, и античная) греческая письменность не была ограничена теми видами письма, которые обычно изучаются при ознакомлении с палеографией средневековых греческих рукописей. В этих рукописях имели довольно широкое распространение системы специальных знаков, употреблявшихся для сокращений слов, для тахиграфии (быстрого письма), для обозначения терминов в текстах учебного содержания (например, в комментариях к поэмам Гомера, в медицинских, астрологических и алхимических сочинениях), для целей криптографии (тайнописи) и магии.

¹ Положение это было высказано еще И. И. Срезневским в „Палеографических заметках“ (Изв. Акад. Наук, т. IX, стр. 161—167).

² Как известно, в письменном наследии средневековой Западной Европы и Византии богослужебные рукописи — памятники официальной церковной письменности — также составляют подавляющее большинство.

³ Специальные системы письменных знаков в средние века были известны не только в Византии, но и в Западной Европе и на Востоке. Многие из этих знаков встречаются в особых алфавитах, составлявшихся искусственно; как форма, так и значение отдельных знаков могли несколько видоизменяться при переходе из одной системы в другую.

Употребление тахиграфических, криптографических, алхимических и прочих специальных знаков прослеживается в греческой письменности вглубь веков до начала нашей эры.¹ Более древние материалы не привлекались, так как уже папирусы первых веков нашей эры дают меньше аналогий, чем средневековые рукописи.

Формы отдельных знаков несколько видоизменялись с течением времени, формы других знаков оставались неизменными.

Применение тахиграфии было широко распространено в византийской письменности; однако обычно тахиграфические значки применялись для изображения не цельных слов, но отдельных слогов, некоторых предлогов, союза *καί*. Рукописи, целиком написанные с помощью тахиграфии, встречаются сравнительно редко.

Специальные знаки для отдельных слов или понятий употреблялись обычно в рукописях ученого содержания, например в алхимических или медицинских рукописях, в сохранившихся к гомеровским текстам и т. п., словом, в тех текстах, которые были рассчитаны на достаточно подготовленного читателя, сведущего в той или иной отрасли науки или ее изучающего.

Криптография чаще встречается в астрологических рукописях или в приписках писцов.² Все эти системы специальных знаков остались чуждыми славяно-русской письменности за исключением некоторых систем тайнописи.

¹ Нами использованы следующие труды, касающиеся греческих магических папирусов и других магических памятников со снимками: K. Preisendanz. *Die Griechische Zauberpapyri*, Bd. I—II. Leipzig, 1928—1931; Fr. Kenyon. *Greek Papyri in the British Museum*, vol. I. London, 1893; Fr. Kenyon. *The Palaeography of Greek Papyri*. Oxford, 1899; F. Foat. *Sematography of the Greek Papyri*. *Journal of Hellenic studies*, vol. XXII, 1902, с. 135—173; R. Wünsch. *Antikes Zaubergehärt aus Pergamon*. *Jahrb. d. K. Deutschen Archäolog. Inst.*, 6. Ergänzungsheft, Berlin, 1905; Th. Hopfner. *Griechisch-ägyptischer Offenbarungszauber*. *Studien zur Paläographie und Papyruskunde*, hrsgb. von C. Wessely. Heft XXIII, Leipzig, 1924, стр. 144—145.

Специальные труды, посвященные истории алхимических знаков, могут быть использованы лишь с оговоркой, так как в них не всегда указываются даты памятников; авторами их подбираются данные из памятников самого разнообразного времени и происхождения. См., например: Lüd y. *Alchemistische und chemische Zeichen*. Berlin, 1928; *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, t. VIII, pars II. Bruxelles, 1911; pars III, Bruxelles, 1912; M. Berthélot. *Les origines de l'alchimie*. Paris, 1885; M. Berthélot. *Collection des anciens alchimistes grecs*. 2-e livraison, Paris, 1888; G. W. Gessmann. *Die Geheimsymbole der Chemie und Medicin des Mittelalters*. München, 1900; Du Cange. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*; *Notae sententiarum, mathematicae, astronomicae, chymicae, iatricaе*. Lugduni, 1688.

О тахиграфических и прочих специальных знаках см.: V. Gardthausen. *Griechische Paläographie*. 2-te Aufl., Leipzig, 1911—1913; Г. Ф. Церетели. *Сокращения в греческих рукописях*. Изд. 2-е., СПб., 1904; B. de Montfaucon. *Palaeographia graeca*. Parisiis, 1708; Joh. Nicolai. *Tractatus de siglis veterum*. Lugduni Batavorum, 1723; F. Kopp. *Palaeographia Critica*. I—III. Mannheim, 1817—1829; A. Mentz. *Geschichte und Systeme d. griechischen Tachygraphie*. Berlin, 1907.

О магических и криптографических алфавитах вообще см.: G. Selenus. *Cryptomenytices et Cryptographiae*. Libri IX, Lüneburg, 1624; Winkler. *Siegel und Charaktere in der muhammedanischen Zauberei*. Berlin, 1930.

² На сходство глаголической азбуки с магическим, так называемым очковым, письмом греческих рукописей, указал М. А. Шангин в заметке „Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит“ (Историк-марксист, 1940, № 2, стр. 168). Но это наблюдение прошло незамеченным, так как М. А. Шангин не разобрал вопрос достаточно углубленно и привлек лишь поздние греческие рукописи XVII века. Смерть помешала М. А. Шангину закончить начатое исследование. Еще ранее сходство некоторых букв глаголицы со знаками, встречающимися на геммах, было отмечено В. И. Григоровичем. См.: И. В. Ягич, *ук. соч.*, стр. 65; В. И. Григорович. *Статьи, касающиеся древнего славянского языка*. Казань, 1852, стр. 59—60.

Однако Кириллу эти специальные системы греческой письменности были известны, о чем можно судить на основании следующего текста его жития: „Егда же прииде к Царюграду, вдаша и учителем, да ся учить, и в три месяци навик всю грамотикую, и по прочаа ся ят учения. Научи же ся Омиру и геометри, и у Льва и у Фоте диалексице, и всем философским учением, к сим же и риторикии и арифметикии, и астрономии, и мусикии, и всем прочим еллинским учением“.¹

Возможно, что о знании Кириллом систем тайнописи, а скорее магического письма, свидетельствует и другое место жития, где идет речь о том, как философ прочитал надпись на Соломоновой чаше: „Есть же в святей Софии потирь от драгаго камня, Соломоны дела, на нем же суть письма жидовска и самаренска, грани написани, их же никтоже не можаше ни почести, ни сказати. Взем же ю философ, почет и сказа...“.²

В глаголице всего 39 букв; форм букв 42, так как отдельные буквы (иже, хер, ер) имели разные формы. Как видно из прилагаемых таблиц, для 31 глаголической буквы имеются прообразы среди различных знаков средневековой греческой письменности. Для 11 букв соответствующих знаков подобрать не удалось, хотя сходство с некоторыми знаками несомненно есть. Отсутствие прообразов среди греческих знаков для этих форм может объясняться как тем обстоятельством, что не все знаки, бытовавшие в греческой письменности в свое время, были зарегистрированы в доступных нам памятниках, так и тем, что отдельные формы букв могли быть плодом творческой фантазии Кирилла.³

Таким образом, большинство глаголических букв было заимствовано из специфических систем греческой письменности. Даже рядовому грамотному византийцу не все эти системы были в равной мере знакомы; для восприятия этих систем знаков нужно было нечто большее, чем простая грамотность. Так, для знания тахиграфических систем нужно было быть писцом-профессионалом; для запоминания знаков, обозначающих части человеческого тела или некоторые химические элементы, употребительные в качестве лекарств, надо было изучать медицину; для запоминания особых приемов письма, встречающихся в юридических текстах, надо было быть юристом, и т. д. Тем более для другого народа осталась чуждой азбука, построенная на совершенно искусственном основании, составленная из знаков, не употреблявшихся в обычном письме.

Эта искусственно составленная азбука никоим образом не могла конкурировать с кириллицей, сложившейся на основе византийского унциального письма, которое проникало в славянские земли постепенно, не только в рукописях. Унциальные буквы можно было видеть на монетах, церковной утвари, на иконах и фресках, в многочисленных надписях.

Глаголица, созданная Кириллом искусственно, не могла противостоять кириллице именно потому, что ко времени создания глаголицы византийский устав уже вошел в употребление у славян, уже в какой-то мере, правда, пока еще „без устройства“, применялся в качестве „славянского письма“. Искусственно подобранные и искусственно распро-

¹ Цит. по кн.: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. (Труды Славянской комиссии, т. I). Л., 1930, стр. 4.

² Там же, стр. 26.

³ В указанной выше работе „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“ Ем. Георгиев также считает возможным, что некоторые формы были изобретены Кириллом (ук. соч., стр. 82).

страняемые знаки глаголической азбуки не были понятны не только самим славянам, но и прибывшему в славянские земли греческому духовенству, которому также приходилось изучать глаголическую азбуку; в этом смысле положение греческого духовенства было трудным: отправление богослужения на малознакомом языке затруднялось тем, что заимствованные из греческой письменности знаки во вновь изобретенном славянском письме несли совершенно иную функцию букв.

Остается открытым вопрос о том, каким путем происходил процесс приспособления византийского унциального письма к древнеболгарскому и древнерусскому языкам, т. е. каким путем и в течение какого времени происходил процесс становления кириллицы. Вряд ли можно согласиться с мнением Е. М. Георгиева, что кириллица была вполне упорядочена и существовала в законченном виде ранее изобретения глаголицы Кириллом.

Но проблема происхождения кириллицы и не является задачей статьи. Задачей было показать источник глаголицы, скрывающийся все-таки в средневековой греческой письменности, и показать, что именно в искусственности этого источника и заключается причина нежизненности глаголицы.

Что касается сходства отдельных глаголических букв с некоторыми знаками Причерноморья, то сходство это не случайно: и знаки и глаголица имели общий источник в греческой письменности, но в Причерноморье эти знаки были занесены в эллинистическую эпоху, а глаголица была создана на их основе в IX веке.

Пояснения к таблицам

При передаче форм букв и знаков в прилагаемых таблицах соблюдалась максимальная точность. Однако даже при условии фотографического воспроизведения форм палеограф всегда должен помнить о возможном искажении отдельных деталей. На наш взгляд, полного совпадения форм искать и не следует. Известная разница могла зависеть от разнообразных причин: от материала, на котором изображался знак (знаки, вырезанные на камне, отличаются от тех же знаков, написанных на пергамене), от опытности и навыка писца (ученик, начинавший изучать тахиграфию, выводил отдельные знаки тщательнее, нежели опытный писец, записывающий юридический акт) и т. д.; наконец, разница в формах знаков может зависеть и от степени сохранности памятника, где какое-либо пятнышко или изъян могут несколько, а подчас и значительно, видоизменить знак. Кроме того, вряд ли можно предположить, что Кирилл, составляя свою новую азбуку, имел перед глазами специально составленные таблицы различных знаков (хотя такие таблицы, вероятно, существовали для отдельных систем). Скорей всего, что, будучи человеком широко образованным, Кирилл использовал те знаки, которые он хорошо знал, помнил и которые ему казались по каким-то соображениям пригодными. Это подтверждается и формами юсов, для изображения которых он использовал не столько уже существовавшие формы, сколько принцип их построения.

Ссылки на исследования, где найдена та или иная форма, приводятся сокращенно. В книге Селена¹ по истории криптографии приведен ряд алфавитов разных веков, составленных искусственно; все эти алфавиты

¹ G. Selenus, ук. соч.

западноевропейского происхождения, некоторые из них приписываются историческим лицам (например, Беде Достопочтенному); в случаях привлечения форм букв из указанных алфавитов эти формы определяются как „буквы искусственного алфавита“, с краткой ссылкой на книгу Селена.

Формы некоторых букв рассматриваются вместе, вследствие их сходства, несмотря на то, что этим нарушается алфавитный порядок.

Для некоторых букв приводятся различные их формы, которые в этих случаях заимствуются из указанного руководства Вайса.

После таблиц помещены фотографии с некоторых средневековых греческих рукописей, заимствованные из издания М. Бертело.¹

Таблицы форм букв и знаков

† азъ По поводу формы этой буквы Емил Георгиев в своей работе пишет следующее: „Глаголическое А, †, возникает

под влиянием креста. В своем азбучном акростихе Григорий Богослов, любимый поэт Кирилла, говорит: «Ἀρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιῶν θεῶν („Полагай бога началом и концом всего“»). Кирилл знал этот акростих и под его влиянием написал свою азбучную молитву. Мысль Григория, что всё мы должны начинать и заканчивать богом, известна и ученику Мефодия, пресвитеру Константину: «Добро есть убо, братие, всегда от бога начати и до бога скончати, якоже Григорий Богослов рече». Когда ученики, сияясь изучить азбуку, занимались писанием ее букв, то ставили в начале крест, чтобы он им помогал. Об этом сообщает Константин Костенецкий. Кирилл делает этот крест, написанный в начале изучаемой азбуки, первой буквой своей азбуки“ (ук. соч., стр. 80—81).

К сказанному Георгиевым следует добавить еще некоторые соображения.

Греческие и латинские документы раннего средневековья также имеют в начале, перед текстом, один или три креста, символизирующих имя Христа, равноценных словам: „ante omnia Christus“. В дипломатике этот знак называется хризмон. (Иоанн Златоуст в беседе на послание апостола Павла к Колоссянам (P. Migne, Patrologia graeca, vol. LXII, стр. 364) упоминает обычай помещать имя Христа в начале писем; см. также: A. Giry. Manuel de diplomatique. Paris, 1894, стр. 530—531).

Таким образом, начиная свой алфавит хризмоном, Кирилл начинал его призыванием имени Христа. Следует указать, что некоторым магическим алфавитам, которых было немало в средневековой греческой письменности, также предшествует хризмон (M. Berthélot. Collection des anciens alchimistes grecs, стр. 156).

¹ M. Berthélot, ук. соч.

Ш буки

Ш — β; буква греческого криптографического алфавита (V. Gardthausen, стр. 306).

Щ — с; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 282).

Щ — Q; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 282).

Щ — один из астрологических знаков, встречающихся в греческих астрологических рукописях разных веков (с I до XV в. н. э.) (Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. VIII, pars III, таблица Alphabeta Cryptographica).

У веди

У — знаки, встречающиеся в магических папирусах и других памятниках III—IV вв. н. э. (R. Wunsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 144—145).

У — φ; греческий криптографический алфавит (V. Gardthausen, стр. 306).

Ф глаголь

Ф — φίος (овен); древняя форма одного из знаков зодиака (A. Bouché-Leclercq, стр. 57, таблица халдейских знаков зодиака; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5).

Ф — знак, встречающийся в греческих астрологических рукописях разных веков (Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. VIII, pars II—III, таблицы; Fr. Kenyon. Greek Papyri in the British Museum, vol. I, стр. 122).

Ф добро

Ф — лев; древняя форма одного из знаков зодиака (A. Bouché-Leclercq, стр. 57; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5).

Ф — знак, встречающийся в греческих магических текстах, начиная с IV в. н. э. (R. Wunsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 144—145).

Ф — β; буква греческого криптографического алфавита (V. Gardthausen, стр. 306).

Э есть

Э — знаки, встречающиеся в греческих астрологических рукописях.

Э — е; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 282).

- живете — знаки, встречающиеся в греческих магических текстах уже в III—IV в. н. э. (R. Wunsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 144—145; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 18).
- земля — знаки, встречающиеся в греческих астрологических и магических текстах разных веков (от IV до XV в. н. э.) (Th. Hopfner, стр. 145; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 10).
- иже — Πυρρός, ἦτο: Ἄρης (огненный, т. е. Арес); знак, встречающийся в средневековых греческих рукописях астрологического содержания (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5).
- иже — καρδιά (сердце); знак, встречающийся в греческих медицинских и астрологических рукописях XI—XV вв. (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16).
- иже — υ; буква в криптографическом греческом алфавите на папирусе (F. Foat, стр. 169).
- и — ἥλιος (солнце), также χρυσός (золото); древний астрологический знак (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16; Lüdy, таблица на стр. 17 и др.).
- слово — α; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).
- слово — ignis circulatorius (огонь круговой) (Lüdy, табл. 72; J. Nicolai, стр. 82).
- слово — acetum (уксус) (Lüdy, табл. 17; по указанию Николаи (J. Nicolai, стр. 77) встречается в сочинениях Галена, Диоскорида, Павла Эгинского).
- дерево — Σκόρπιος (скорпион), один из знаков зодиака (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5).
- дерево — один из греческих тахиграфических знаков (V. Gardthausen, стр. 270).
- дерево — знак, встречающийся в греческих магических текстах (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 5, 12, 17 и др.).
- То же в кириллице XII в.

 како

 — φ; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

 — massa pilularum (пилюльная масса) (J. Nicolai, стр. 82).

 — λον } эти знаки и им подобные упо-
 — χιτ } треблялись в греческих рукописях
 — ρος } для тахиграфического написания
 — αι } слогов, начинающихся с буквы
 х и для союза και; эти знаки встре-
 чаются уже с первых веков н. э.
 (Церетели, Сокращения, табл. VI—
 VII; A. Mentz, стр. 49).

 — ἀρτάβη (артаба); мера веса в Египте (Fr. Kenyon, Palaeography, стр. 154—155).

 — κ } буквы искусственного алфавита
 — η } (G. Selenus, стр. 281).

 — capricornus (козерог); один из древних знаков зодиака (Lüdy, табл. 108; A. Bouché-Leclercq, стр. 195).

 — λ буква в греческом криптографическом алфавите на папирусе (F. Foat, стр. 169).

 люди

 — s буква искусственного алфавита (Selenus, стр. 281).

 То же в Киевских
 листках и листках
 Клоца

 — знак на магической таблетке IV в. н. э. (R. Wünsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 145).

 мыслете

 — знаки в греческих магических текстах, III—XV вв. н. э. (V. Gardthausen, стр. 351; Fr. Kenyon, Greek Papyri, vol. I, стр. 91, 97; M. Berthélot, Collection, стр. 112; B. de Montfaucon, стр. 286).

 — ἄλας (соль) (M. Berthélot, Collection, стр. 112).

 — m; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

 наш

 — 50; знак, встречающийся в греческой письменности (V. Gardthausen, стр. 355).

Ɔ — этот знак с другим значением имеется в дельфийской стенографической таблице IV—III вв. до н. э.

Ɔ — о; буква искусственного алфавита, приписываемого Беде Достопочтенному (G. Selenus, стр. 282).

Ɔ — п; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).

Ɔ он

Ɔ — υῖος (сын) (M. Berthélot, Collection, табл. VII).

Ɔ ук

Ɔ — θυμίαμα (фимиама) (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 20); этот же знак встречается во многих астрологических рукописях.

Ɔ покой

Ɔ — π; буква в греческом криптографическом алфавите (V. Gardthausen, стр. 306).

Ɔ — ποταμός (река) (M. Berthélot, Collection, табл. III, стр. 110; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 11).

Ɔ — ρ; буквы в греческих криптографических алфавитах (V. Gardthausen, стр. 306).

Ɔ рци

Ɔ — ερ } — в тахиграфии эти и им подоб-
 Ɔ — αρ } ные знаки употреблялись для слов,
 Ɔ — ωρ } в которые входила буква ρ (A. Mentz,
 Ɔ — ρ } стр. 43; Allen, Notes on abbrevia-
 tions, табл. II, и др).

Ɔ } хер
 Ɔ }

Ɔ — ἡμέρα (день) } — древние астрологиче-
 Ɔ — νύξ (ночь) } ские знаки (V. Gardthausen, стр. 342 и др.).

Ɔ — Ἑρμῆς (гермес) (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16).

Ɔ — φωσφόρος, ἤτοι Ἀφροδίτη (светоносящий или Афродита) (Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 16).

Ɔ — ταῦρος (вол); один из древних знаков зодиака (Lüdy, табл. 5; A. Bouché-Leclercq, стр. 57, и др.).

- — знак на магической табличке IV в. н. э. (R. Wunsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 145).
- — ἐν τῷ; знак в греческой тахиграфии (M. Berthélot, Collection, табл. VII; Du Cange, Glossarium, Notae, стр. 14).
- — знак для обозначения слога υρ в греческой тахиграфии (A. Mentz, стр. 43).
- — μολιβδος̃ (свинец) (M. Berthélot, Les origines, табл. II).
- шта
- — aer (воздух) (J. Nicolai, стр. 77).
- То же в хорватской ркп. XIII в.
- — знаки в греческих магических текстах, встречаются с первых веков н. э. и до XV в. (Delatte, Sphere magique, стр. 247; Catalogus codicum astrologorum graecorum, t. VIII, pars III, таблица; Fr. Kenyon, Greek Papyri, vol. I, стр. III).
-
-
- — ψ; буква в греческом криптографическом алфавите на папирусе (F. Foat, стр. 169).
- ци
- — ξ; буква в криптографическом алфавите (V. Gardthausen, стр. 281).
- — х } — буквы искусственных алфавитов
 — с } (G. Selenus, стр. 281).
- ша
- — ω; буква в криптографическом алфавите (V. Gardthausen, стр. 306).
- — х; буква искусственного алфавита (G. Selenus, стр. 281).
- ю
- То же в Киевских листках и Ассемановом еванг.
- — знак на магической таблетке IV в. н. э. (R. Wunsch, таблица; Th. Hopfner, стр. 145).
- — юс малый.
- — юс большой.
- — юс малый йотованный.
- — юс большой йотованный.

Точного совпадения форм в средневековой греческой письменности для юсов подобрать не удалось. Но в отношении этих букв применен тот же самый принцип, который применялся в греческих рукописях для обозначения разных химических соединений и т. п. Беря за основу знак одного химического элемента, средневековые алхимики присоединяли к нему различные детали, таким образом получая обозначения соединений этого элемента с другими или физического его состояния. По такому же принципу построены формы для юсов йотированных, ука, еры.

Химические знаки

	σιδηρός	— железо.
	σιδηροῦ γῆ	— железистая земля.
	σιδηροῦ ρίνισμα	— железные опилки.
	σιδηροῦ πέταλον	— лист железа.
	σιδηροῦ ἴος	— железная ржавчина.
	χρυσός	— золото.
	χρυσὸν ρίνημα	— золотые опилки.
	χρυσὸν πέταλον	— лист золота.
	χρυσὸν μάλαγμα	— сплав золота.

Ниже приводятся формы некоторых знаков, употреблявшихся в различных алхимических и магических текстах; эти формы и подобные им могли быть использованы для глаголических юсов. Число и разнообразие таких знаков велико (J. Nicolai, стр. 147; Fr. Kenyon, Greek Papyri, vol. I, стр. 91, 114; R. Wünsch, таблица; Catalogus codicum astrologorum graecorum, vol. VIII, таблицы и снимки с рукописей; M. Berthélot, Collection, стр. 114; Lüdy, разные таблицы, и т. д.).

Разные магические и алхимические знаки

⌘	⌘	⌘	⌘		
⌘	⌘	⌘	⌘	⌘	⌘

FIGURE 3. — Planche I

ὅτι καὶ ἐπὶ τῆς ἀληθείας κειμένων ἐν τοῖς τεχνικοῖς
 ἐγγράμμασι τῶν φιλοσόφων ἰσχυρὰ ἔστιν ἐπισημασθῆναι
 περὶ τῶν λεγομένων φιλοσοφίας :-

5	<p>Χρυσός χρυσοῦ ρινημα χρυσοῦ πέταλα χρυσοῖς κεκασμένοι χρυσὸν ἠλεκτρον χρυσοκομα ἡλιαχρυσίου ἄργυρος ἀργύρου ἀργύρου ρινημα ἀργύρου πέταλα ἀργύρου χρυσοκομα ἀργύρου κεκασμένοι</p>	<p>ἡλιος χρυσοῖς ἑλληνη ἀργυρος ἡ κρομος φέρονον ἡλιος ζεφειάτων ἠλεκτρος ἀρητηροεισιδηρος ἀφροδιτη φωσφοχαλκοῖς ἑρμῆς ἡλθων ἠλεκτρος ἡ ἡλιβδουτη ἡ ἡλιβδοχαλκοῖς ἡ ἡλιβδου ρινημα ἡ ἡλιβδοσ κεκασμένοι κασιτηροῖς κασιτηρουτη κασιτηρου ρινημα κασιτηρου πέταλα κασιτηρου κεκασμένοι ἡ ἀργυρος ἡ νεφελη ἡ λευκὴ ἡ παγισαν ἡ ζεφειάτων ἡ λιβητροῖς ἡ ἡθιον ἡ στρον ἡ ἡθιον ἡ ἡθιον ἡ ἡθικτων ἡ ἡθιον ἡ ἡθικτων</p>	<p>5 10 15 20 25</p>
---	---	--	--

Лист из греческой рукописи XI века.

